
В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Л. Е. ГРИНИН

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА*

Лекция 3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЕОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Связь с античностью и радикальный перелом. Раннехристианская теология истории и всемирная история родились как особое направление античной историографии и философии. На протяжении всего Средневековья его мысль обращалась к античному наследию (особенно к той ее части, которая была известна и оправдана в глазах христиан сложившейся практикой использования)¹. В методах и подходах, во взглядах на цели истории между античной и средневековой историографией и методологией истории много общего: 1) неразвитость критических методов; 2) опора в большей или меньшей мере на мифологические и баснословные предания; 3) недостаточно строгое отношение к фактам, готовность их исказить в угоду концепции; 4) взгляд на историю не как на поиск достоверно установленных фактов, а как на род литературы и сред-

* Лекции 1, 2 см.: *Философия и общество*. – 2010. – № 1. – С. 167. Лекции могут быть полезны при преподавании теории и методологии истории, философии истории, истории исторической науки (историографии). В настоящей и последующих лекциях в подстрочник вынесены многочисленные комментарии, которые могут быть полезными для студентов или преподавателей, но необязательны для основной канвы изложения. *Ссылки на произведения, которые приведены в списке рекомендуемой литературы, даются в сокращенном виде.*

¹ Некоторые исторические труды, менее популярные в период античности, стали более популярны в Средние века по религиозным причинам, особенно если там упоминался Иисус Христос. Таковы работы еврейского романизованного историка Иосифа Флавия «Иудейские древности» и «Иудейская война». Но в целом сочинения античных авторов ценились гораздо ниже сочинений отцов церкви.

ство воспитания читателя (впрочем, это характерно для практически всех обществ донаучного периода).

Однако возникновение христианской идеологии **коренным образом изменило взгляд на ход истории, на философию и теорию истории**. В плане влияния на формирование их основных идей особо нужно выделить двух деятелей раннего христианства, живших примерно в одно время: Иеронима (347–419/20), который дал западной церкви латинскую Библию и заложил основу средневековой периодизации истории; Августина (354–430), который создал теологию церкви и теологию истории². Большое влияние на всю последующую теорию истории и историографию оказал ученик Августина Павел Орозий (ок. 380–420).

Условия формирования ранней средневековой мысли. Если древнегреческая историография складывалась в V в. до н. э. в период победы над персами, подъема афинской демократии и расцвета греческого искусства, то средневековая складывалась в период глубокого упадка Рима (IV–V вв. н. э.), натиска варварства, отсутствия какого-либо видимого достойного выхода и перспективы в земной жизни. Выход давала только вера, вокруг веры и строилась теология истории.

Особенности христианского взгляда на историю. То, что христианская мысль об истории складывалась в трудное время, способствовало формированию некоторых ее важных особенностей.

1. **Преимущественный пессимизм христианской теологии истории**, выражающийся у многих писателей в идеях греховности земной жизни и человеческой природы, спасения каждого человека и всего человечества только по милости Божьей.

2. **Дуализм исторического мировоззрения**, то есть разделение всего мира, всей истории на добро и зло, на царство Бога (церкви) и царство дьявола (земное государство).

3. **Опора исторического мышления на единую религиозную идеологию и строгую церковную организацию**³ (из этого момента вытекают и следующие две характеристики). Библия, особенно

² В плане общей теологии надо еще упомянуть Амвросия (ок. 339–397), обосновавшего церковную концепцию взаимоотношений между церковью и государством. По словам Б. Рассела, немногие деятели оказали большее влияние на ход истории, чем Амвросий, Иероним и Августин (Рассел 1994: 317–318).

³ При этом теология стала относительно быстро **ортодоксальной**, все отклонения были запрещены как ереси.

«Ветхий завет»⁴, изначально и постоянно оказывала огромное влияние на всю средневековую творческую мысль (и позже на мысль деятелей протестантской церкви), в том числе и на концепцию теории истории, методологию истории и историографию⁵.

4. Приоритет теологии истории над историографией. Средневековая мысль (в противоположность античной), имея в основе Священное Писание и опираясь на достижения античной историографии, в самом начале своего существования создала теорию истории (точнее, теологию истории), согласно которой уже строились исторические сочинения. В такой ситуации были и плюсы (преемственность и уважение к теории), и минусы, так как история уже заранее вгонялась в прокрустово ложе жесткой теории. Сильная теология истории повлияла на то, что средневековая историография нередко демонстрировала поразительное **равнодушие к фактической стороне дела и пренебрежение к достоверности фактов.**

5. Преемственность подходов средневековой теории истории. В отличие от античной христианская историография на протяжении почти полутора тысяч лет развивалась в рамках строгой традиции и преемственности (а в отношении ортодоксальной церковной историографии дело обстоит так и до сих пор). Поэтому заложенные в самом начале общие теоретические идеи очень долго не подвергались переосмыслению (чему, впрочем, препятствовал и общий упадок уровня образованности).

Различия между античной и средневековой мыслью об истории:

1. Разное отношение к месту человека в историческом процессе. Античная мысль ставила во главу угла человека и его борьбу, средневековая – замысел и волю бога, а человек рассматривался только как проводник этой воли⁶. С одной стороны, имелось пред-

⁴ В ряде книг «Ветхого завета» в отличие от «Нового завета» (где изложены события небольшого по времени периода) излагается история событий большого периода, к тому же объединенная одной концепцией.

⁵ Некоторое влияние на развитие средневековой истории в отдельных обществах оказали местные традиции исторической памяти и исторического творчества. Наиболее яркий пример – норвежские и исландские саги (см. подробнее: Гуревич, А. Я. История и сага. – М.: Наука, 1972).

⁶ Здесь коренилось глубокое противоречие между идеями свободы воли человека и его ответственностью за свои поступки, с одной стороны, и предопределенностью результатов

ставление о «слепоте» человеческих помыслов и деяний, так как в конечном счете действие божественного провидения приводит именно к тому результату, какой был задуман им, а не людьми, какие бы цели последние ни ставили, но с другой – реальное орудие реализации этого замысла не сам Бог, а именно люди как исторические деятели, которые действуют исходя из своего понимания и своих желаний. В таком подходе коренилось ценное противоречие: человек одновременно и орудие замыслов Бога, и цель истории (ведь Бог желает человеку добра). Поэтому в будущем такой подход оказался более продуктивным, чем взгляд древних писателей, которые часто неудачи замыслов и, наоборот, неожиданно удачные предприятия приписывали капризу Судьбы⁷.

2. Разное понимание историчности явлений и историзма как формы развития.

Средневековое жесткое разделение мира на наделенного всеми атрибутами Бога и земные бранные явления помимо воли средневековых философов усилило представление об историчности всего (кроме Бога). Отсюда историзм Средневековья был в чем-то сильнее, чем в античности, где господствовало представление о круговороте без развития вокруг определенного порядка вещей. Таким образом, зарождалась возможность развития идеи историзма в целом, то есть того, что все вещи и явления имеют начало (момент зарождения), развиваются (становятся), приобретая те или иные свойства, и затем исчезают, часто порождая тем самым новые вещи и явления⁸.

3. Разное понимание исторического времени и соответственно разный подход к периодизации истории (об этом ниже).

4. Разное понимание всемирной истории и отношения к человечеству. Исходя из христианских идей, что история есть разво-

его деятельности, а следовательно, и отсутствием ответственности – с другой. Это противоречие в рамках христианской теологической философии так и не было разрешено.

⁷ В дальнейшем, когда удалось отказаться от идеи Бога как демиурга Истории, стало ясно: исторические процессы столь сложны (в них с каждым новым шагом увеличивается в гигантской мере число возможных вероятностей), что результат действий всегда в той или иной мере не совпадает с замыслом, и чем далее развиваются процессы, тем больше открывается непредвиденных следствий произошедших событий.

⁸ Например, идея изменчивости, по мнению М. А. Барга, – главное содержание исторических воззрений Оттона Фрейзингенского (о нем сказано далее). История движется вперед через изменения. Ни одно историческое образование, включая и государство, не пребывает в покое, так как формы бесконечно и заново образуются. «Мы в это не только верим, но и наблюдаем собственными глазами» (Барг 1987: 181).

рачивание замысла Бога, а библейская история от сотворения мира есть непреложная истина, средневековая история неизбежно должна была стать не просто всемирной, но общечеловеческой. Ведь согласно учению Христа, люди любой национальности равны перед Богом. Античная же историография в лучшем случае могла создать всеобщую историю стран, связанных с греко-римским миром. Таким образом, идея всемирной истории – достижение средневековой мысли⁹.

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Представление об историческом процессе как о реализации замысла Бога через деятельность людей и государств привело к формированию нового представления как о структуре исторического времени, так и о структуре исторического процесса в целом, что наглядно выразилось в периодизациях всемирной истории. Эти периодизации исходили из некоторых новых представлений, которые на современном языке можно сформулировать как идеи об историческом времени.

1. Линейность исторического времени (в отличие от представлений античности о цикличности). Если в представлении античной историографии у богов не было собственного плана развития человеческой истории и они только обеспечивали успех или же разрушали планы людей, то средневековая теология истории и историография представляли Бога всемогущим и всеведущим, а следовательно, именно воля и замысел Бога становятся основной движущей силой истории.

2. Выделение центрального события истории – рождения Христа и переход к универсальной хронологии всемирной истории. Важнейшим рубежом, главной вехой для христианской историографии были события рождения, земной жизни и смерти Христа. Эти события делили всемирную историю на две части (что

⁹ Исходя из этого вытекал, по выражению Р. Коллингвуда, универсализм христианского отношения к человечеству, согласно которому нет избранного народа, все люди вовлечены в осуществление божественных предначертаний, поэтому исторический процесс происходит везде, и всегда его характер один и тот же. Любая часть его – это часть одного и того же целого. Подход к истории как в принципе к истории мира в целом, в рамках которой войны, подобные войнам Греции с Персией, Рима с Карфагеном, рассматриваются беспристрастно не с точки зрения победы одной из враждующих сторон, а с точки зрения влияния их исхода на будущие поколения, – такой подход стал общим местом (Коллингвуд 1980: 49–51).

прочно утвердилось в делении в современной историографии на **две эры**, до нашей эры и нашей эры)¹⁰. Разделение истории на две части привело и к созданию универсальной хронологии, когда летоисчисление для истории всех стран велось от рождения Христа, хотя метод такой хронологии появился далеко не сразу (в VII–VIII вв.), а стал распространенным гораздо позже, только в XI в.¹¹

3. Необходимость периодизации истории вытекала из потребности делить исторический процесс на периоды, менее важные, чем рождение Христа, но полезные для понимания хода истории и имеющие собственные характеристики. Последние делают этот период существенно отличным как от того, что ему предшествовал, так и от того, который его сменит.

4. Осмысление исторического развития как смены эпох. Хотя в основе средневековых представлений об историческом процессе лежала идея о божественном плане, тем не менее, как отмечает Коллингвуд, великой задачей средневековой историографии было открыть и разъяснить этот объективный, или божественный, план. А поскольку его осуществление последовательно проходило ряд этапов, то размышления над этой последовательностью и породили концепцию исторических эпох, каждая из которых начиналась с какого-нибудь эпохального события. При этом каждая новая эпоха начинается по завершении предыдущей. Таким образом, вошедшие в арсенал теории истории представления об эпохальных событиях; методы деления истории на периоды, отличающиеся характерными чертами, и нахождения кульминационных точек в истории были вполне сознательно внесены в историческую мысль раннехристианскими учеными (они полностью отсутствовали в греко-римской историографии)¹².

¹⁰ «Именно наличие этих опорных точек во времени с необычайной силой “распрямляет” его, “растягивает” в линию и вместе с тем создает напряженную связь времен, сообщает истории стройный и единственно возможный (в рамках этого мировоззрения) имманентный план ее развертывания» (Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 121).

¹¹ Но универсальным даже в христианском мире он не был. В Древней Руси по византийской традиции счет лет вели от «абсолютной» даты, сотворения мира. Как известно, летоисчисление в России изменилось только с указом Петра I. А в некоторых гражданских общинах Западной Европы (например, североитальянских городах) продолжали, подобно древним историкам, вести исчисление по годам правления консулов или императоров (см.: Репина и др. 2004: 88).

¹² См.: Коллингвуд 1980: 52.

5. Представление о каждом событии как уникальном и единичном. Из представления о времени как о линейном вытекало, что в такой структуре (в отличие от круговорота) каждое событие становится уникальным и единичным, то есть историчным в прямом смысле слова¹³.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ

Все периодизации, естественно, включали в себя важнейшее для средневековой мысли событие – рождение Христа. Основы средневековой периодизации заложили Иероним и Августин.

Периодизация всемирной истории по четырем монархиям (империям) была предложена Иеронимом. В развитие ветхозаветного текста о четырех царствах и опираясь на некоторые античные идеи, он предложил схему, согласно которой с момента возникновения государства последовательными этапами развития человечества являются четыре исторически реальные империи: **Вавилонская, Персидская, Македонская и Римская**¹⁴. Последовательная смена четырех монархий представляет результат провидения божьего, ведущего род человеческий к состоянию все большего единства – от политического к религиозному. Преемственность четырех империй представляла своего рода ведущую линию исторического процесса, передачу эстафеты от одной империи к другой. Эта периодизация получила одобрение Августина и была воспринята всей средневековой историографией. Например, она использована в «Хронике» историка XII в. Оттона Фрейзингенского. Оттон развивает идеи этой схемы, рассматривая политическое единство Римской империи как предпосылку к установлению христианского единства. С этой точки зрения Бог способствовал могуществу Рима, чтобы люди, будучи дисциплинированными культом одного человека – императора и страхом перед одним городом – Римом, научились придерживаться также одной веры и стали более способными к пониманию истины христианства.

¹³ Хотя средневековая историография мало уважала факты, но потенциально из такого мировоззрения открывался путь к представлениям о значимости точных фактов, правда, такая возможность была реализована только в XIX в.

¹⁴ Мысль о четырех империях была высказана учеными Александрийской школы, в частности знаменитым географом и астрономом II в. н. э. Клавдием Птолемеем (см.: Вайнштейн 1964: 78–80).

Важно учитывать, что схема четырех монархий рассматривала Римскую империю как **последнее** земное государство, падение которого приведет к светопреставлению и затем к наступлению Царства Божия. В этой связи идея непрерывности существования Римской империи идеологически оказывалась очень важной. Поэтому средневековые идеологи считали, что Римская империя не исчезла в V в., а продолжалась в империи Карла Великого (VIII–IX вв.), а затем – в так называемой Священной Римской империи (962–1806) во главе с германскими императорами. Несмотря на свою слабость, а затем и полную архаичность, эта Священная Римская империя (германской нации) просуществовала все Средневековье и длительный период Нового времени, прекратив свое бытие только с разгромом Пруссии Наполеоном.

В средневековой историографии имелись и иные периодизации, начинавшиеся с момента сотворения мира и опиравшиеся прежде всего на библейские предания¹⁵. В частности, очень популярной была **периодизация Августина**. Последний по аналогии с шестью днями, в которые Бог создал мир, считал, что человечество в своем развитии проходит через шесть «возрастов», или эпох, от сотворения Адама до конца света¹⁶. Последний этап, согласно Августину, наступил вместе с появлением христианства и закончится с его окончательной победой. При этом победа христианства и наступление Божьего Царства (которое связывалось в Евангелии с так называемым вторым пришествием Христа) будут означать и конец человеческой истории. Но, как мы видели, Августин принимал и периодизацию по четырем империям.

В конце XII в., в период, когда в феодальном обществе происходили большие перемены, в том числе связанные с развитием монашеских орденов и городской культуры¹⁷, появилась **периодиза-**

¹⁵ В том числе трехчленная, в соответствии со Святой Троицей (см. подробнее: Барг 1987: 172–179).

¹⁶ 1) От сотворения Адама до потопа; 2) от потопа до рождения Авраама; 3) от рождения Авраама до царя Давида; 4) от Давида до Вавилонского пленения; 5) от Вавилонского пленения до рождения Христа; 6) от рождения Христа до конца света.

¹⁷ XII в. был важным рубежом в развитии феодального европейского общества: быстро росли города и формировалось городское общество; сказались результаты крестовых походов, в ходе которых мировоззрение европейцев сильно изменилось; дали результаты большие изменения в христианской церкви в предшествующий период (разделение церквей;

ция Иоахима Флорского, которая радикально расходилась с учением Августина. Иоахим Флорский (ок. 1132–1202) был аббатом одного из монастырей на юге Италии. В своих произведениях, в частности «Согласовании Нового и Ветхого заветов» и «Пособии к Апокалипсису», он делил всю историю на три периода согласно Святой Троице. Период до рождения Христа – время «Бога Отца», когда общество держится только страхом, а повиновение человека «закону» обусловлено рабством. Во времена «Бога Сына» Христа суровое рабство закону сменяется более мягким сыновним послушанием. Человек еще не свободен, но страх уже сменился сознательным повиновением. Далее должен наступить третий период – время господства «Святого Духа». Тогда единственной связью между людьми будут уже не страх и не дисциплина, а любовь. Хотя Флорский так же, как его предшественники и современники, опирался на Священное Писание, но в философско-социальном плане это была новая концепция, рассматривающая – в мистической форме – ход исторического процесса как развитие от рабства к свободе. Радикальным и опасным для церкви новшеством Иоахима были идеи, что: а) возможно достижение Царства Святого Духа не на Небе, а на земле, причем создаст для этого условия не католическая церковь во главе с папой, а развитие монашества¹⁸; б) мало того, существующая церковь, как и государство, поскольку им присуще насилие, в период Царства Святого Духа станут ненужными и исчезнут.

Совершенно неудивительно, что учение Иоахима Флорского в 1215 г. было осуждено как еретическое, а вследствие этого и реально подхватывалось еретическими движениями, которыми Европа была богата.

введение celibата и другие реформы, усилившие римско-католическую церковь); активно развивалось монашество и монашеские ордена. Последние не были порой строго вписаны в предшествующие каноны, среди монахов шел активный поиск истины, который нередко вел к достаточно радикальным взглядам. Стоит отметить, что именно в среде монахов были наиболее образованные люди, в монастырях находились наиболее крупные библиотеки, и монахи имели наибольший досуг и возможность заниматься духовными поисками (конечно, только немногие стремились к этому, но в целом таких набиралось известное число). Отрешенные от необходимости думать о земных делах, они могли создать нечто новое. О развитии исторической мысли в XII в. см.: Барг 1987: 188–202.

¹⁸ Учение Иоахима пытались усвоить и популяризировать некоторое время францисканцы, представлявшие своеобразное демократическое течение в среде католического духовенства, которые были соперниками, а временами и врагами доминиканцев (Вайнштейн 1964: 83–85).

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ ИСТОРИИ. АВГУСТИН

Основными принципами христианской теологии истории можно считать три (ниже о них сказано подробно):

1. Дуализм (противопоставление духовного и мирского, государства и церкви, божественного и дьявольского и т. п. как основной арены борьбы).

2. Провиденциализм (наличие изначально заложенного смысла и плана истории).

3. Эсхатология (ожидание конца истории начиная с момента, когда божественный план исполнится)¹⁹.

Отсюда логически следуют идеи (составившие в дальнейшем при их развитии и/или секуляризации важную часть философии истории Нового времени): а) о строго закономерном ходе истории (если она развивается по божественному плану); б) о наличии главных и второстепенных движущих сил истории (главная – воля Бога, но помимо этого также многообразные проявления борьбы Бога и дьявола, в частности церкви и ее врагов; воля и деятельность людей)²⁰; в) о менее и более глубоких уровнях исторического процесса и соответственно причинах: на поверхности – желания и деяния людей, а глубже – последствия, к которым Бог вел людей, еще глубже – воля Бога; г) о делении истории на два связанных, но противоположных по знаку периода: тот, который не знал настоящей истины, и период, когда истина открыта, причем первый период – только подготовка к событию, которое еще не произошло²¹.

¹⁹ Коллингвуд не без основания выделяет и такую характеристику, как апокалиптическая история, когда история делится на «периоды мрака и света». Он считает, что принципы апокалиптической истории далеко пережили Средние века (Коллингвуд 1980: 50). И действительно, они свойственны любой жесткой идеологии. Французские революционеры ввели новый календарь, начинающий отсчет новой эры с событий Французской революции. Советские идеологи также часто делили историю на две части: до и после Октябрьской революции. История любой общественной науки делилась на период до и после марксизма. Любое государство, обретя независимость, начинает считать этот момент рубежным.

²⁰ В то же время отметим, что это препятствует поиску реальных причин исторического развития, и, пожалуй, по сравнению с античностью спектр таких причин сократился.

²¹ Чаще всего это периоды до и после Христа. Но некоторые теоретики, вроде Иохима Флорского, переносили начало эпохи истины и света на более поздние периоды, чем рождение Христа, хотя это не меняет характеристики самого подхода.

Таким образом, немало идей философии истории XIX в. (и даже современной теории истории) уходят своими корнями в средневековую теологию истории.

Дуализм средневековой религиозной философии заключается в резком противопоставлении добра и зла, святого (божественного) и греховного (дьявольского), духовного (= церковного) и мирского (= государства, всего светского) и представлении, что между ними постоянно идет то явная, то скрытая борьба в самых разных формах. Это дуализм между земным и божественным; первое – бренно, второе – вечно; первое – греховно, второе – истинно и безупречно; необходимо посвятить свои усилия и мысли второму и по возможности очиститься от первого. Такой дуализм, глубоко проникший во всю средневековую идеологию и психологию (например, в виде поощрения ухода от мира в монастыри), периодами имел и вполне явную прагматическую политическую подоплеку. Например, он служил основанием для небезуспешных претензий римских пап на превосходство церковной (духовной) власти над властью королей и императоров и выведения организации церкви во всех странах из-под юрисдикции светской власти.

Провиденциализм, то есть представление об истории как полной реализации заранее имеющегося божественного замысла, согласно которому в конечном счете все и развивается, пронизывал всю средневековую теорию истории и в огромной степени историографию. Из провиденциализма вытекали и неадекватные исторической реальности представления о неизбежности (фатальности) событий как они произошли в истории, то есть мысль о том, что события не могли произойти иначе, чем они случились. Подобные взгляды, по сути, есть исторический **фатализм**, согласно которому некие события будущего, если им «суждено быть», случатся, даже несмотря на все усилия избежать их. Такой фатализм был очень характерен для античного мировоззрения с его покорностью судьбе и предсказаниям (вспомним знаменитую драму «Эдип»), но он был свойственен и религиозному сознанию Средних и более поздних веков²². «Все в руке божьей; как Бог даст» – вот формулировка такого взгляда.

²² Согласно кальвинизму даже судьба людей предопределена, хотя человек не знает, отнесен ли он заранее к грешникам или праведникам.

Эсхатология – тесно связанное с провиденциализмом представление о том, что история имеет некий конец, финал, который имманентен ей, то есть заложен в ход событий изначально (так сказать, согласно существующему плану истории). В средневековом представлении такой финал чаще всего ассоциировался со вторым пришествием Христа и установлением Царства Божьего или, напротив, с ужасным концом света. Многим средневековым мыслителям будущее казалось вполне ясным и очевидным. Так, например, уже упоминавшийся крупный историк XII в. Оттон Фрейзингенский в восьмой книге своей «Хроники» обсуждает грядущий конец света (первые семь книг посвящены описанию всемирной истории).

Нерелигиозные провиденциализм и эсхатология в виде представлений, что в истории есть некий изначально вложенный в нее смысл (или идея истории); историей управляют «железные» законы, которые неизбежно ведут развитие событий к определенному результату (например, к прогрессу или коммунизму), – были широко распространены в философии истории в XVIII–XX вв. и не изжиты по сию пору.

Труд Августина Блаженного «О граде Божьем». Аврелий Августин (354–430), епископ г. Гиппона в римской провинции Африка, как уже сказано, заложил основы той богословско-исторической концепции, которая была воспринята почти всеми средневековыми историками и оказывала могущественное влияние на историографию вплоть до XVIII в. Дуализм, провиденциализм и эсхатология²³ очень ярко представлены в его произведении «О граде Божьем» («De civitate Dei»). Напомним, что оно создавалось в период краха Римской империи, с одной стороны, когда был налицо упадок нравов и культуры, натиск варварства, реальное исчезновение казавшихся вечными институтов и порядков; а с другой – в условиях, когда христианская церковь стала уже не только массовой и широко распространенной, но и государственной. Церковь была еще молода, полна сил и энергии, энтузиазма и стремления к подвигу. Она еще не погрязла в богатстве, не пресытилась властью, не

²³ Конечно, там представлены также и другие идеи, например, сама идея прогресса была довольно отчетливо сформулирована Августином, естественно, в чисто богословском аспекте, а затем в скрытом виде присутствовала в основе любой средневековой всемирной хроники (Вайнштейн 1964: 48–51).

развратилась. Но она уже представляла собой весьма обширную и иерархичную организацию. Церковь оставалась в тот момент наиболее сплоченной, организованной и наиболее одушевленной высокой идеей организацией. В то же время в церкви в этот период идут великие дискуссии, решения по которым заложили основы церковной жизни на века вперед. Вот почему именно в IV–V вв. творило так много крупных церковных мыслителей. С этим периодом в данном отношении может сравниться только XVI в., век реформации.

Все это вполне объясняет дуализм Августина и его страстность. Между хиреющим и греховным «градом» дьявола – земным Римским государством – и поднимающимся «градом» христианской религии, которая основывается на церкви и связана с Богом (небесный град), он, естественно, выбирает второй и проклинает первый. Град Божий, небесный, вечен, а Град дьявола, земной, имеет временное бытие.

Августин рассматривает историю человечества как поле борьбы между Царством Небесным (или Царством Бога) и царством земным (царством дьявола). Эта борьба началась с момента первого грехопадения человека. Земное государство, по мысли Августина, впервые было создано братоубийцей Каином и соответственно несет на себе его печать. Жители града земного, его потомки, желают наслаждаться земными благами, преисполнены любви к себе, жаждут властвовать, опираясь на силу. Жители же Града Божьего, потомки Авеля, желают жить по совести и благочестивы, не стремятся накапливать земные богатства, а считают, что единственное богатство – это «Господь в душе». От исхода этой борьбы между верой и неверием, между добром и злом зависит судьба человечества. Но эта борьба неизбежно приводит к победе Бога в виде победы христианской церкви²⁴. Е. М. Сергейчик отмечает, что у Августина речь идет не о реально существующих государствах, а о двух мистических общинах людей: одной из них предназначено вечно царствовать с Богом, а другой – подвергнуться вечному

²⁴ И в утверждении этом легко увидеть эсхатологию и провиденциализм. Е. М. Сергейчик (2002: 75) говорит даже об «эсхатологической драме» в учении Августина. Полторы тысячи лет спустя такой же дуализм наблюдается в идее марксизма о неизбежности коммунистического общества: с одной стороны, за него надо бороться, идти на жертвы, но с другой – оно неизбежно. Недаром критики такого взгляда язвили, что если коммунизм неизбежен, то и не нужны партии, борющиеся за него: ведь не требуется создавать общество по борьбе за затмение Луны.

наказанию с дьяволом. Но тем не менее, очевидно, Августин явно имеет в виду под градом земным языческий Рим (и империю, и сам город; язычество еще отнюдь не ушло, да и среди христиан далеко не все истинные)²⁵. В то же время реальным воплощением града небесного на земле является Церковь, которая объединяет вокруг себя всех праведников. На месте языческого Римского государства со времен императора Константина, сделавшего христианство официальной религией, возникло христианское государство. И оно выступает как предпосылка для установления Божьего Царства.

Августин в идее небесного града с исключительной четкостью проводит идею единства человечества, в котором народы, сохраняя свое своеобразие, если только оно не мешает христианской религии, объединяются одной верой. А из единства человечества естественно вытекает и идея всемирной универсальной истории. Сегодня в условиях глобализации, когда идут справедливые упреки в нивелировке культур, полезно вспомнить, что человечество неоднократно переживало такой опыт сплавления культур, в том числе и в период распространения мировых религий, и извлечь нужный урок из этих процессов.

Идеи Августина о борьбе царства дьявола и Христа вдохновляли многих крупных историков и мыслителей. Впрочем, это неудивительно, если принять во внимание неустроенность жизни, слабость государств, злоупотребления, бесконечные войны и внутренние усобицы, периодические эпидемии и т. п.²⁶

ИСТОРИОГРАФИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Средневековая историография начинается с переходной от античности к Средневековью эпохи, с конца III–IV вв. н. э. С одной стороны, христианские авторы этого и последующего времени являются частью позднеантичной историографии и даже философии,

²⁵ Иными словами, понятие «град» используется Августином в разных смыслах: как некая абстрактная общность людей; как государство вообще; как непосредственно город Рим и Римское государство.

²⁶ Например, упомянутый Оттон Фрейзингенский, вдохновляемый Августином, стремился показать, что всемирная история, эта «трагедия человеческих бедствий», представляет собою подлинную борьбу «царства дьявола и царства Христова». История, по его словам, поучительна только в том отношении, что она показывает несовершенство и непостоянство всего земного.

но они уже представляют собой новое направление, в смысле идеологии полностью порвавшее с античной традицией. Первый опыт богословской истории представлен в трудах автора III – начала IV в. епископа и мыслителя Евсевия Кесарийского (ок. 260–340). Уже в самом раннем своем сочинении – «Хронике» («Хронические каноны») он ставит перед собой задачу создать универсальную историю. Он объединил языческую историю и историю иудеев в единую мировую историю и интерпретировал ее основные события с провиденциалистской точки зрения. Для этого он использовал новую христианскую хронологию истории, все события которой включены в единые хронологические рамки, а не датируются по Олимпиадам, как в Греции, или же по годам правления консулов, как в Риме. Он стремился доказать, что события, хронологически упорядоченные таким образом, образуют закономерную последовательность, в центре которой – рождение Христа. Но главным трудом Евсевия является его «Церковная история». В ней он впервые попытался дать систематическую трактовку истории христианства от рождения Христа, исходя из разработанной им церковно-исторической провиденциалистской концепции. Согласно этой концепции история реализуется через взаимоотношения Бога с «христианским народом» (совокупностью всех верующих). Создание жанра церковной историографии стало главным достижением Евсевия. Он положил начало одному из ведущих направлений в средневековом историописании. Его дело было продолжено целой плеядой историков, в том числе Бедой Достопочтенным (672/73 – ок. 735), Адамом Бременским (ум. после 1081), Ордериком Виталием (1075 – ок. 1143) и многими другими.

Если Евсевий Кесарийский был автором переходной эпохи от античной историографии к христианской, то сочинения позднего современника Евсевия Павла Орозия, преданного ученика Августина, были созданы уже полностью под влиянием новой доктрины Августина. Орозий в своем труде «История против язычников в семи книгах» описывает уже не только церковную историю, он создал образец нового жанра – всемирной истории, включающей в себя историю народов, государств и церкви.

Помимо жанра церковной истории, о котором упомянуто выше, в раннем Средневековье в развитие античной традиции (идущей от Цезаря, Тацита и даже от Геродота) возник жанр «истории варвар-

ских народов». К наиболее известным произведениям такого рода можно отнести книги историков VI в. – Иордана о готах «О происхождении и деяниях гетов», Григория Турского «История франков»; автора VI–VII вв. Исидора Севильского «История королей готов, вандалов и севов»; Павла Диакона «История лангобардов» (VIII в.). В конце VIII–IX в. в связи с расцветом империи Карла Великого возникает так называемая историография «каролингского возрождения». Особенно следует отметить «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда.

Единая универсальная хронология, датирующая все происшедшее временем до и после рождества Христова, была изобретена Исидором Севильским в VII столетии и популяризирована Бедой Достопочтенным, первым английским историком в VIII в.

Известный подъем историографии в связи с развитием городской жизни, общего уровня образования и культуры, а также ростом числа монастырей и монашеских орденов наблюдается в XII в. Одним из самых выдающихся произведений XII в. была «Хроника» Оттона Фрейзингенского (после 1111–1158 г.). Хроника охватывала события от начала библейской истории (от сотворения мира). Семь ее книг продолжали повествование о всемирной истории до современного Оттону периода 1146 г.²⁷ Исключительное обилие сохранившихся списков «Хроники» свидетельствует о ее быстром распространении и значительном успехе в феодальном обществе, несмотря на то, что она проникнута глубоким пессимизмом. Следовательно, это было созвучно настроениям значительной части общества.

Среди историков позднего Средневековья можно выделить Жана Фруассара (ок. 1337 – после 1404 г.; его хроники Англии, Франции и Испании охватывают период 1327–1400 гг., то есть примерно первую половину Столетней войны) и флорентийского хрониста Дж. Виллани (2-я половина XIII в. – 1348 г.). В XV в. в историографии начинаются существенные изменения, о которых будет сказано в лекции, посвященной раннему Возрождению. Об

²⁷ Оттон, епископ Фрейзингенский, внук императора Генриха IV и дядя императора Фридриха I, играл по своему происхождению и общественному положению видную роль в политической жизни Германии. За свою работу он взялся, по-видимому, под влиянием тягостного зрелища распрдор, в частности распри между империей и папством (Вайнштейн 1964: 171–172).

этом свидетельствует в частности то, что во Франции, где резко возрос интерес к истории, появляется уже новый, явно не средневековый, жанр истории – исторические мемуары. Филипп де Коммин (1447–1511) – доверенный советник герцога Бургундского Карла Смелого, впоследствии состоявший на службе у короля Франции Людовика XI, в своих мемуарах не только описывает перипетии борьбы за централизацию Франции в XV в., но и создает собственную политическую теорию о государе и государстве, во многом опередившую идеи Н. Макиавелли о том, что «цель оправдывает средства».

Жанры средневековой историографии. Выделялось два основных жанра: история (деяния) и хроника (анналы); первые пространны и стремились излагать историю в логической последовательности, вторые – кратки и обычно излагали события в хронологическом порядке. Среди хроник особенно выделяются всемирные хроники, хотя, как уже было сказано, даже истории отдельных народов обычно начинались с библейских легенд об Адаме и Еве, Каине и Авеле, потопе и т. п. Позже в связи с поисками возможности совместить логический подход к изложению с хронологическим появляется более сложный смешанный жанр, соединивший особенности истории и хроники. Появляется также официальная хронистика – королевские и городские хроники. Развитие истории и повышение интереса к ней приводят в позднем Средневековье к появлению учебников по всемирной истории и исторических хрестоматий.

Знание истории не было безразличным для богословия, поэтому историография была побочным результатом, продуктом средневековой теологии, ученого благочестия²⁸, как античная историография – побочным продуктом античной философии и особенно политической философии.

Место истории в системе мировоззрения и интеллектуальных занятий. Как и в античности, в Средние века история никоим образом не воспринималась как наука. История по-прежнему рассматривалась как средство воздействия на читателя, способ влияния на общество, некое хранилище поучительных (равно положительных и отрицательных) примеров и рассказов, которые могут

²⁸ См. об этом, в частности: Репина и др. 2004: 87.

быть полезны в воспитательных, ораторских, полемических или иных целях²⁹. Но если античные мыслители нередко воспринимали историю как род искусства, то в Средние века она выступала скорее как род духовной литературы, направленной на интеллектуальное служение делу веры³⁰. Таким образом, если в античности история в руках наиболее глубоких мыслителей порой перерастала в политическую философию, если наиболее выдающиеся представители античной историографии искали в истории ответы на вопросы о вечной природе человеческой личности и человеческой судьбы, то для средневековых философов и историков история становилась одним из источников теологических размышлений о Боге и человеческой деятельности, делом веры и служения Богу.

В целом занятия историографией (как и в античности) не были слишком привлекательны или почетны, лучшие умы устремлялись в другие сферы. Это объяснялось также неопределенным положением истории в отношении «семи свободных искусств» (в перечень которых она не входила)³¹. История оставалась, по выражению одного средневекового историка, «привеском» к ним.

Основные методы средневекового историописания: а) метод личного наблюдения и опоры на «надежные» свидетельства; б) компиляции; в) опоры на Священное Писание и труды отцов церкви; г) метод аллегорической типологии (применявшийся и в античности, особенно в сопоставлении исторических деятелей и ситуаций) заключался в соотнесении библейских и реальных исторических деятелей, когда характеристики библейских персонажей использовались для описания реальных деятелей (отрицательный деятель мог быть Каином и т. п.); д) реже – метод опоры на устные преда-

²⁹ Естественно, что положительные и отрицательные примеры отличались в связи с христианской моралью и религией: для античности философ вроде Диогена, живущий в бочке, – это все-таки некое отклонение от нормы; для Средних веков святой отшельник – образец для подражания.

³⁰ Только в последний период Средневековья (XIII–XV вв.) история стала в некоторой степени рассматриваться как интеллектуальное полезное занятие для образованной публики (а не только для духовенства).

³¹ Соответственно сначала шел *тривиум* (грамматика, логика, риторика), потом *квадри-виум* (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). Стоит обратить внимание, что искусства здесь не отделены от наук, поэтому иногда говорили о «семи свободных науках» (и даже о «семи свободных занятиях»).

ния. Заметную, но менее важную роль играли протонаучные методы и приемы, получившие огромное распространение в будущем: приемы элементарной критики свидетельств (в том числе сопоставления источников, реже – проверки фактов), хотя в целом критический метод был слабым; использования архивных документов.

В целом эти методы принципиально не отличались от тех, что использовались в античности (за исключением, конечно, опоры на Библию), но акценты по важности и распространенности несколько поменялись. В частности, использование устных преданий в Средние века было менее популярно, чем в античности, но зато в большей степени работали с архивами (хотя, конечно, этот источник исторических данных не был существенно важным)³². По сравнению с античностью метод компиляции стал гораздо более распространенным, прежде всего в связи со всемирным характером историй и большим уважением к авторитетам.

Методология истории в Средние века в целом определялась следующими идеями и подходами.

а) **Представлением о том, что история прошлого прямо соответствует повествованию о ней**, то есть имеется некая твердая историческая канва (тем тверже, чем она ближе к священной и непогрешимой истории), в которую историк вплетает свои добавления и рассуждения. Иными словами, о реконструкции прошлого в труде историка на основании тщательной методологии отбора и проверки фактов не было и речи. Античная и средневековая историографии тут похожи, но все же первая, пожалуй, была чуть ближе к идее реконструкции прошлого, чем вторая.

б) **Опорой на авторитеты**. В Средние века в связи с канонизацией религиозного учения опора на авторитеты приобрела характер полного преклонения (в античности это было распространено заметно меньше). Одновременно творческое использование предше-

³² Рост использования архивов как источников исторических сведений был вызван в немалой степени тем, что роль истории как основы для политических, правовых, идеологических и имущественных притязаний выросла. Соответственно те, кто хотел сделать политический или иной необходимый ему заказ историку, были заинтересованы в допуске последнего к архивным сведениям (церкви, короля, знатного феодала и т. п.). Но с этим выросло и число фальсификатов и подделок. См. об этом далее.

ствующих трудов оказалось ограниченным, и чем авторитетнее был источник, тем дословнее могли его передавать.

в) Соответственно **компиляция** стала практически обязательным элементом большинства исторических трудов жанра хроник. Это создавало традицию историописания (в античности складывающуюся только в ее поздний период), в конечном счете сделало возможным создание в позднем Средневековье первых учебников и хрестоматий по всемирной истории. Однако средневековые истории были компилятивными, менее творческими, чем античные.

г) **Ограниченностью исторических источников и преобладанием методов личных впечатлений и опоры на «надежные» свидетельства.** В целом средневековые, как и античные, историки опирались прежде всего на личные впечатления, потом на свидетельства надежных очевидцев, далее – на всякого рода коллективные воспоминания (слухи, передачу устной традиции от старшего поколения к младшему и т. п.). Но все это могло охватить период в несколько десятков (максимум в сто) лет; в меньшей степени использовались произведения устного творчества. Отметим также, что библиотек было мало, и в них, как правило, не было современных историку трудов по истории. Архивов также было мало, и использовались они эпизодически.

д) **Отсутствием теоретических руководств по написанию истории** вплоть до XV в. Одно это говорит о слабости средневековой методологии истории.

е) Распространенной практикой **пренебрежения к точности фактов или сознательной их фальсификации.** Конечно, многие средневековые историки, особенно раннего периода, продолжали традиции античности, стремясь по возможности добросовестно зафиксировать события и, когда возможно, подтвердить их информацией свидетелей или заслуживающих доверия источников. Многие также зависело от жанра исторического сочинения, анналы были более строгими к хронологии и точности, хроники – менее строгими. Но в целом самое бесцеремонное, по выражению О. Л. Вайнштейна, обращение с фактами и прямое искажение их были очень распространены в Средние века во всех исторических жанрах.

В Новое время и особенно в XIX в. средневековых историков часто упрекали в «легковерии». Это «легковерие», свойственное во многом и античности, проистекало от религиозности сознания, отсутствия научного метода, невозможности проверить источник. Но очень часто причиной было то, что подлинности или неподлинности сведений историки могли не придавать значения, если считали какой-то эпизод интересным, занимательным, поучительным для читателя или если им просто надо было заполнить лауну в историческом рассказе³³. Конкретные факты человеческой деятельности – в полной противоположности от взглядов современных историков – были для них чем-то малозначительным. Можно также отметить, что нередко уровень пренебрежения фактами был прямо пропорционален уровню обобщения истории³⁴.

Но искажение фактов и их прямая фальсификация были связаны также с явлением, которое можно условно назвать «политизацией истории», когда факты искажались в угоду определенным интересам.

ж) **Политизацией истории**, которая была связана, с одной стороны, с превращением истории, как и философии в целом, в «служанку богословия», а с другой – с использованием исторических данных как основания для политических, правовых, идеологических, имущественных и иных притязаний со стороны более или менее влиятельных политических сил. Все это способствовало появлению гигантского количества различных исторических подделок. Разоблачение этих подделок заняло у историков Нового времени несколько веков, что впоследствии стало важнейшей причиной полного отрицания заслуг средневековой историографии³⁵.

³³ Легко представить такое отношение, если сравнить историков прошлого с экскурсоводами, которым нужно занять экскурсантов возможно более увлекательным рассказом. Такие экскурсоводы наряду с подлинно историческими фактами очень любят вставлять всевозможные легенды, поверья, недостоверные известия.

³⁴ Впрочем, такая взаимосвязь наблюдается и в гораздо более поздних работах, и в некоторых современных работах по философии истории.

³⁵ В чем-то аналогичная ситуация сложилась и с советской историографией и статистикой, в которых было столько фальсификаций, что одно время было модно полностью отрицать их релевантность.

Таким образом, именно со Средних веков складывается устойчивая традиция политического использования истории в интересах династии или государства, традиции, которая, к сожалению, не умирает и до сих пор. В этом плане античность отличалась в лучшую сторону³⁶. В Средние века история стала более идеологической дисциплиной, в этой связи исторические свидетельства стали основанием для различных притязаний на право собственности, на политическое доминирование, на возможность претендовать на престол и т. п. Отсюда резко возросло число исторических фальсификаций и подделок, искажений фактов и т. п. В Средние века многие правители и руководители церкви старались использовать историю в политических целях. Масса подделок была сделана в угоду римской церкви, например в труды античных писателей вставлялись места о жизни Иисуса Христа. Технически это было нетрудно, поскольку книги переписывались от руки (а на пергаменте можно было целые куски соскрести и написать заново)³⁷.

Таким образом, расхождения между средневековыми и античными историками в методах и подходах к изложению истории были меньше, чем расхождения в теории истории античности и Средних веков. Средневековая философия (теология) истории потенциально оказалась более продуктивной, чем античная. Но средневековая историография с ее пренебрежением к точности фактов, фальсификациями и меньшим вниманием к гуманитарному аспекту истории существенно уступала античной. Вот почему мы чаще говорим о крупных философах истории в Средневековье,

³⁶ Если там историк пристрастно или недобросовестно интерпретировал факты или даже занимался подделкой, то обычно, так сказать, «по зову сердца» (как это делал Тит Ливий или Корнелий Тацит). Иное дело Древний (и средневековый) Восток, где власть очень часто редактировала исторические сочинения и прямо фальсифицировала их для политических целей.

³⁷ Эту волну переписываний и подделок можно сравнить с ситуацией у ряда народов (например, полинезийских или качинов Бирмы), у которых право на власть и социальное положение определялось древностью родословных. Соответственно появлялось множество фальшивых родословных (см., например: Бутинов, Н. А. Родство и сродство в Меланезии. Пути развития Австралии и Океании. – М.: Наука, 1981; Те Ранги Хироа [П. Бак]. Мореплаватели солнечного восхода. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1959; Leach, E. R. Political Systems of Highland Burma. – Boston: Beacon Press, 1970; см. об этом также: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. – М.: КомКнига, 2010. – С. 101–102; 164–165).

чем о крупных историках этого периода, в то же время в античности остались имена историков, которые будут всегда в какой-то мере образцом.

Таблица 1³⁸

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Евсевий Кесарийский	ок. 260–340	Римская империя	«Церковная история»
Аврелий Августин	354–430	Римская империя	«О граде Божьем»
Павел Орозий	ок. 380–420	Римская империя	«История против язычников в семи книгах»
Беда Достопочтенный	672/73 – ок. 735	Англия	«Церковная история народа англов»
Оттон Фрейзингенский	после 1111–1158	Германия	«Хроника»
Иоахим Флорский	ок. 1132–1202	Италия	«Пособие к Апокалипсису»
Жан Фруассар	ок. 1337 – после 1404	Франция	«Хроники»
Филипп де Коммин	1447–1511	Франция	«Мемуары»

Рекомендуемая литература

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи: Становление историзма*. Гл. 2–4. М.: Мысль.

Вайнштейн, О. Л. 1964. *Западноевропейская средневековая историография*. М.: Наука.

Гене, Б. 2002. *История и историческая культура на средневековом Западе*. М.: Языки славянской культуры.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. Ч. II. М.: Наука.

Рассел, Б. 1994. *История западной философии*. Т. 1. Кн. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

³⁸ В настоящей и следующей таблицах представлены данные только о некоторых из упомянутых в тексте лекции авторов, при этом приводится только одно произведение каждого из них.

Репина, Л. П., Зверева, В. В., Парамонова, М. Ю. 2004. *История исторического знания*. Гл. 4. М.: Дрофа.

Сергейчик, Е. М. 2002. *Философия истории* (с. 68–89). СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России.

Лекция 4. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА. ВИЗАНТИЯ, РУСЬ, АРАБСКИЙ МИР, КИТАЙ

Византийская историография и теория истории. «Византийцы всегда очень любили историю, и с VI до XV в., начиная от Прокпия, Агафия и Менандра до Франдзи, Дуки и Критувула, литература Византии богата именами выдающихся историков» (Диль 1947: 151)³⁹. **Сплав античного наследия и христианства – вероятно, наиболее характерная особенность византийской общественной и исторической мысли**⁴⁰. Но этот сплав христианства и античности в ранний период Византийской империи и культуры (IV–VI вв.), когда христианство только становилось тотальной государственной религией, а в самом христианстве еще активно шла борьба разных течений, сформировался далеко не сразу. Недаром Аммиана Марцеллина (ок. 330 – ок. 400 гг. н. э.), о котором шла речь в лекции 2⁴¹, сторонника язычества и прежних римских доблестей, нередко рассматривают как последнего римского и первого византийского историка.

Симбиоз христианства и античности наблюдался не только в уровне образованности, умении использовать в произведении античные и христианские труды, но и в жанрах, и в охвате материала. В частности, от античности перешла любовь к историям, события которых наблюдали сами историки, от христианства – к жанру всемирной истории. Также были широко распространены жанры, характерные для поздней античности и раннего Средневековья:

³⁹ По мнению историка Ш. Дили, в чем-то небеспристрастному, «по своему умственному развитию и нередко по своему таланту они значительно превосходили современных им западных авторов; некоторые из них могли бы занять почетное место в любой литературе» (Диль 1947: 151).

⁴⁰ Конечно, в некотором роде такой симбиоз был и в Западной Европе, но в отношении использования античного наследия Европа на порядок уступала Византии. Недаром в течение XIV–XV вв. складываются и приобретают достаточно устойчивый характер связи византийских эрудитов с деятелями итальянского Возрождения, которые черпали в византийской ученой традиции утерянные или забытые Западом знания об античной, прежде всего греческой, культуре.

⁴¹ См.: Гринин, Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 2. Античность // Философия и общество. – 2010. – № 1. – С. 202.

истории «варварских» народов, церковные истории, а также всемирная хроника. В Византии, за исключением самого раннего периода, встречается мало писателей, даже светских, которые так или иначе не соприкасались бы с богословием⁴².

Одним из самых известных историков раннего периода Византии был Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562), сирийский грек, получивший прекрасное светское образование и преуспевший на дипломатической и политической службе при дворе императора Юстиниана I, периоду правления которого и посвящены главные произведения Прокопия. Напомним, что в VI в. именно при Юстиниане, названном Великим, был период наивысшего подъема Византийской империи, когда казалось, что удастся возродить Римскую империю в полном объеме и на Востоке, и на Западе. Эпоха Юстиниана ознаменовалась также колоссальным достижением общественной мысли – кодификацией римского права, сыгравшего огромную роль в становлении европейской цивилизации. Но Юстиниан надорвал силы империи. Все это определяет двойственность позиции Прокопия. Если в своих официальных произведениях «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» и «О постройках Юстиниана» он прославляет императора, его войны и политику, то в своей «Тайной истории» излагает иной взгляд на состояние империи, облик ее правителей и политической элиты. Он подверг Юстиниана и его окружение критике и резкому моральному осуждению, изобразил его правление как тиранию, а результаты его политики расценил как вредные и губительные для государства. Хотя Прокопий был, естественно, уже христианином, в «Тайной истории» он, подобно Аммиану Марцеллину, видел главным героем своего произведения не христианские доблести, а империю; он резко противопоставляет славному прошлому, идеализированному образу великого Рима, современную ему Византию, а также скорбит о том, что упадок нравов подрывает ее величие.

Как мы видели выше в лекции 3, становление христианской историографии, а также философии и теологии истории началось уже

⁴² Богословие составляет половину всего того, что произвела византийская литература (см.: Диль 1947: 151–152). Любопытно также, что от Византии до нашего времени дошло множество биографий духовных лиц, так называемых «житий святых», но ни одного жизнеописания людей светских (см.: Любарский, Я. Н. Византийские историки и писатели. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 68).

в III веке н. э. Из ранних христианских писателей на византийскую историографию и философию истории оказали особое влияние «Церковная история» Евсевия Кесарийского, теология истории Августина, всемирная «История против язычников в семи книгах» Орозия. Особенно важно для Византии с ее государственной церковью, что Орозий проповедовал возможность единения светской власти и церкви (возможности *просвещения и симфонии*) в отличие от Августина, резко противопоставлявшего государство и церковь в теории двух градов. И в этом можно увидеть **вторую особенность византийской общественно-исторической мысли по сравнению с западноевропейской – гораздо более тесную ее связь с государством**⁴³. Третьей особенностью было то, что **сильная приверженность античной традиции сочеталась со слабым заимствованием достижений других культур** (в то время как европейцы многое переняли от арабов, а те в свою очередь – из античного наследия, у индийцев, персов и т. д.). Это происходило также от чувства культурного превосходства, что в некоторых отношениях не позволяло византийским мыслителям подняться на новый уровень, как это произошло в Европе, а в чем-то вело к консервации традиционных тем и проблем.

Первый этап в развитии византийской историографии, как уже сказано, приходится на IV–VI вв. **Второй этап** – это VII–XII вв. В этот период основным жанром становится всемирно-историческая хроника, которая основывалась на библейской версии человеческой истории от сотворения мира. Но как теоретический уровень анализа событий, так и уровень критического метода источников были низкими, хронисты широко использовали всевозможные

⁴³ Иными словами, тот дуализм в мировоззрении, который формулировался Августином как противоположность между градом земным и градом небесным, в Византии не имел столь сильного звучания. Это вполне объяснимо, так как в Европе дуализм церкви и государства существовал в реальной жизни в течение полутора тысяч лет: сначала выражался в гонениях на церковь, а потом, после падения Западной Римской империи, – в слабости европейских государств, феодальной раздробленности, когда католическая церковь обеспечивала духовно-организационное единство Европы; наконец, в XI в. началась борьба за инвеституру и верховенство между папами и императорами (светской и духовной властью). А потом, в период Реформации, государство в ряде стран подчинило себе церковь. В Византии, хотя отношения между церковью и государством не всегда были безоблачными, в целом церковь выступала как государственная и потому поддерживала светскую власть, по крайней мере, имела концепция разделения сфер полномочий светской и духовной властей.

легенды и баснословные рассказы, не отделяя их от достоверных сведений. Однако в X в. происходит новый подъем традиции античной интеллектуальной культуры. Ведущими тенденциями этого периода становятся компилятивное использование античных произведений и соединение античных идей с идеологией христианства. А в XI–XII вв. византийская историография переживает подъем: появляется ряд выдающихся авторов, которые создали яркие произведения, выходящие за рамки канона всемирно-исторической хроники, в том числе историко-мемуарного характера.

В Византии, как и в Западной Европе, главными жанрами историографии были хроника и история, которые сильно различались между собой⁴⁴. Но, как и в Европе, постепенно шел поиск возможностей синтеза обоих жанров. Одним из тех, кто сумел преобразовать хронику в историю, был крупнейший историк Михаил Пселл (1018 – ок. 1078 или ок. 1096), автор «Хронографии». «Хронография» посвящена столетнему периоду византийской истории (976–1077) и является одним из наиболее заметных памятников исторической мысли второго этапа византийской историографии. Каждая глава сочинения Пселла посвящена определенному императору, фигура которого оказывается уже не просто одним из звеньев времени, как в хрониках, а предметом биографического повествования. Сам Пселл – один из самых интеллектуальных византийских писателей – в значительной мере осознавал особенности своего творческого метода. В его представлении любой человек – существо противоречивое, изменчивое и непостоянное, и задачу свою он видел в том, чтобы эту противоречивость и изменчивость изобразить⁴⁵. Как отмечает А. Л. Шапиро (Шапиро 1993: 53), здесь мы видим заметное продвижение в методе исторического портрета по сравнению с тем, что делали Тацит и другие римские писатели.

⁴⁴ Хроники писались малообразованными монахами и были обращены к непритязательной аудитории; истории создавались хорошо образованными светскими писателями и адресовались не менее образованному читателю; хроники описывали всю историю человечества от сотворения мира, истории – главным образом события, близкие к периоду жизни автора; хроники представляли собой создание византийского времени и были родом средневекового китча, истории, напротив, продолжали линию античного историописания и т. д. (См. подробнее: Долинин, К. А., Любарский, Я. Н. Повествовательные структуры в византийской историографии / Я. Н. Любарский // Византийские историки и писатели. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 355–371.)

⁴⁵ См.: Там же. – С. 360.

Михаил Пселл, возводя события истории к воле божественного провидения, в то же время считал необходимым исследовать их земные причины и результаты. Подобно наиболее глубоким античным исследователям, он не ограничивал объяснение внешнеполитических поражений своей страны иноземными нашествиями, а старался обнаружить признаки разложения Византии в периоды ее расцвета. «Дом рушится уже тогда, – писал он по этому поводу, – когда гниют крепящие его балки»⁴⁶.

В XI–XII вв. возобновляется и жанр историй, в которых основное внимание уделяется событиям, очевидцем которых был их создатель, авторской оценке персонажей и явлений. В частности, грандиозным жизнеописанием императора Алексея I Комнина является написанная его дочерью Анной Комниной (1083 – ок. 1155) «Алексиада».

Третий, завершающий период византийской истории (до 1453 г.) не породил новых оригинальных явлений. Завершением византийской историографии стало создание ряда сочинений, посвященных истории завоевания Константинополя турками и падению империи.

ДРЕВНЕРУССКАЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Русская общественно-политическая и историческая литература имеет **немало общих черт** с западноевропейской, поскольку а) обе опирались на непререкаемый авторитет Священного Писания; б) у обеих были общие истоки философско-исторической мысли как в античности, так и в произведениях ранних христианских писателей; в) отсюда провиденциализм, использование библейских образов, описание чудес и т. п.; г) история в обеих традициях мыслилась как всемирная, история одного народа (в частности, и древнерусского) описывалась как часть всемирной истории (такова была традиция уже в «Повести временных лет»); д) немало общего было в жанрах, методологии, тематике (взаимоотношение политической и церковной власти; борьба с внешними врагами; ответственность власти и т. п.), представлениях о задачах истории.

Основными особенностями (помимо, естественно, историко-этнографических различий между славянами и германскими наро-

⁴⁶ Цит. по: Шапиро 1993: 53.

дами), повлиявшими на формирование философско-исторической мысли на Руси и в допетровской России, были: 1) принятие христианства от Византии, в результате чего в связи с расколом церкви в XI в. православная Русь оказалась оторванной от Западной Европы культурно; 2) монголо-татарское господство окончательно отделило Русь от Европы и существенно изменило политический строй Руси и ее государственную идеологию; 3) постоянная борьба со степью и кочевниками усилила в русской литературе идею объединения страны, необходимости крепкой центральной власти, необходимости подчинения ей; 4) церковь на Руси не противопоставляла себя государству, как католическая, не претендовала на первенство. Отсюда в отличие от западноевропейской традиции слабость идеи дуализма.

Особенности русской исторической литературы:

1) летописание называют основным и наиболее универсальным типом древнерусской литературы, и таковым оно оставалось вплоть до XVI в.; 2) летописание велось в русских землях с XI по XVIII вв. и представляло собой погодные записи об отдельных событиях. Эти записи были, как правило, краткими, ограничивались формальной фиксацией произошедшего; 3) дошедшие до наших дней летописи представляют собой не исходные тексты, а летописные своды, составлением которых занимались многие авторы, продолжавшие их все новыми записями; 4) летописные своды были более комплексным жанром, чем европейские хроники, так как историческое повествование о прошлом переплеталось в нем с задачами религиозного, дидактического и прагматического характера; летописи могли произвольно расширяться за счет текстов или устных преданий, доступных отдельным авторам или редакторам; 5) поскольку древнерусские летописцы продолжали своды из поколения в поколение, русские исторические произведения имели менее выраженный индивидуальный характер, чем в Европе, хотя авторы некоторых произведений и известны; 6) у русских летописцев по сравнению с европейскими авторами в целом более ярко выражены политические и менее активны религиозно-провиденциалистские аспекты.

Возникновение и развитие летописания и общественно-исторической мысли. Возникновение летописей связано со станов-

лением древнерусской письменной традиции, первоначально летописцы опирались на переводы византийских памятников, но позже летописание приобрело жанровую самостоятельность. О времени возникновения летописания в науке нет единого мнения, поскольку все дошедшие до нас летописи являются сводами, в состав которых вошли более ранние летописные своды. «Повесть временных лет», созданная в начале XII в., образует начало наиболее известных летописей XIV в. и последующих веков (Лаврентьевской, Ипатьевской и ряда других). Автором первой редакции «Повести временных лет» считают монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. До этого, возможно, в Киево-Печерском монастыре в 1070-х гг. свод составлял монах Никон, а в 1090-х гг. – игумен Иван (см.: Шапиро 1993: 59)

В «Повести временных лет» начало происхождения древнерусского государства и великокняжеской власти описывается как добровольный договор славян и варяжских князей, добровольное подчинение населения Северной Руси, которое оказалось не в состоянии само обеспечить внутренний мир («порядок»), призванным варяжским князьям Рюрику и его братьям (862 г.). Достоверность этого факта и в целом проблема происхождения Русского государства стала в русской историографии с XVIII в. одной из важнейших и до сих пор является очень актуальной (об этом еще будет идти речь в лекции 8).

В период феодальной раздробленности особенность летописания заключалась в том, что патриотизм местный переплетался с патриотизмом общерусским, а преобладающий интерес к своей земле не исключал интереса к другим русским землям. Иными словами, общерусские мотивы не исчезали из сводов XII–XIII вв.

Можно выделить целый ряд идей и концепций, повторяющихся из произведения в произведение, составляющих своего рода каркас древнерусского политико-правового сознания. Это в первую очередь концепция единства Русской земли, которая становится особенно судьбоносной при описании того, как враги терзают ослабленную усобицами Русь. Представляя князя охранителем православной христианской веры, русские мыслители касались тем самым проблемы соотношения светской власти и церковной. Эта проблема была одной из главных в политической и правовой идео-

логии Киевской Руси. Государственная деятельность представляла при этом как служение Русской земле, а также началам правды, справедливости и добра, воплощенным в православной христианской религии.

С усилением Москвы в XIV – начале XV в. общерусские тенденции в летописании усиливаются. Но идея полного подчинения всех русских государей великому князю Московскому в историографии восторжествовала только при Иване III. Это привело к превращению московского летописания в официальное повествование о русской истории. Москва и ее правители изображались прямыми преемниками киевских князей, а созданное ими государство – органическим продолжением древней Киевской Руси, московские государи – как блюстители истинной веры, носители лучших мировых традиций.

Развитие общественно-исторической мысли в XVI–XVII вв. В XV–XVI вв. на Руси усилился интерес к всеобщей истории. Одной из предпосылок составления соответствующих трудов было стремление показать величие и всемирно-историческую роль Москвы. По приказу Ивана Грозного были созданы грандиозные труды: многотомный летописный «Лицевой свод» и «Степенная книга» – династическая история московских правителей, возводимая к первым киевским князьям⁴⁷. В это время «Лицевой свод» фактически подвел черту под историей общерусского летописания, которое уступило в XVII в. место хронографам⁴⁸. Переводные византийские исторические хронографы появились на Руси очень давно и послужили примером для создания собственных русских хронографов.

⁴⁷ Грозный лично отдавал распоряжения об их редактировании. По требованию царя текст Свода был подвергнут существенной корректировке в целях более резкого обличения боярских «смут и мятежей», оправдания царских опал. В «Степенную книгу» была включена вымышленная версия о происхождении московских государей от императора (кесаря) Рима Августа, а также рассказ о передаче знаков царского достоинства Владимиру Мономаху.

⁴⁸ Хронографы – исторические компиляции, обычно ведущие начало от сотворения мира, включающие сведения по истории других стран, состояли из кратких летописей с сильной религиозной окраской, включали также отрывки из библейских книг, сочинений античных авторов; изложение велось по годам.

Новая идеология Российского государства. При Иване Грозном Россия из государства архаического (раннего) становится государством развитым, централизованным и сословным⁴⁹. Соответственно ему требовалась новая идеология. Ее основой стала идея «богоизбранности Руси», получившая развитие в теории «Москва – Третий Рим», которая была сформулирована монахом Псково-Печерского монастыря Филофеем около 1524 г. и отражала враждебные католицизму («латинству») настроения русских церковников. Вторым Римом считался павший под натиском турок Константинополь. Главой православного христианства после этого стала Москва. Филофей говорил, что «два Рима падоша, а третий (то есть Москва) стоит, а четвертому не быти».

В XVI в. идеология государства также формировалась в трудах Посошкова, в публицистических столкновениях (переписке) Ивана Грозного и князя Курбского и других произведениях, уже совершенно иного жанра, чем летописи и хронографы. Князь Курбский написал также предположительно в 1576–1578 гг. «Историю о великом князе Московском», где полностью отказался от летописной системы группировки материала.

В XVII в. русская общественно-историческая мысль продолжала осмысливать прошлое. Затрагивались проблемы царской власти, в том числе в связи с событиями Смуты начала века. Большой накал страстей был связан с церковным расколом. Хотя летописные формы еще не ушли в прошлое, этот жанр стал подвергаться критике, ему на смену приходили исторические произведения, где материал группировался не по годам, а по главам. Также появляются первые идеи о необходимости критики источников и проверки фактов. В частности, такие мысли высказывал автор исторического труда, создаваемого по приказу царя Федора Алексеевича, во Введении к нему (см.: Шапиро 1993: 132). Также расширился круг историков, помимо представителей духовенства все большую роль стали играть дьяки, подьячие, дворяне и дипломаты.

⁴⁹ Следующим типом государственности является зрелое государство. Об эволюционной типологии государств и особенностях изменения идеологии на каждом этапе см. подробнее: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. От раннего к зрелому государству. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Первым русским историческим произведением, напечатанным в типографии (1674 г.), был «Синописис» (или краткое собрание от разных летописцев). Большую роль в составлении и издании «Синописиса» сыграл настоятель Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель. Этот «Синописис» обладал немалыми достоинствами (в том числе доходчивостью и краткостью изложения), в результате чего превратился в учебник русской истории почти на сто лет, выдержав 15 изданий. Он утратил свою актуальность только в 1760-е гг., когда был опубликован «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Одной из политических целей составителя «Синописиса» являлось доказательство необходимости воссоединения Украины с Россией.

Таким образом, в XV–XVII вв. русская общественно-историческая мысль сделала важный шаг вперед. В частности, в XV–XVII вв. темы устройства государства, границ власти монарха, взаимоотношения власти и церкви, отношения церкви к земельному и прочему богатству и др. в произведениях Московского государства были периодически столь же острыми, как и в Западной Европе. Но, разумеется, философско-теоретический уровень осмысления событий был несопоставим.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В АРАБСКОМ МИРЕ

Особенности арабской философско-исторической мысли проистекали из двух моментов:

- 1) огромной роли ислама;
- 2) синтеза на базе ислама множества культурных традиций: во-первых, собственных, доисламских, во-вторых, восточных (персидских, египетских и др.), наконец, античных, а также косвенным путем и христианских в результате завоевания христианских стран (Египта, Андалузии); нельзя не упомянуть, что и сам ислам заимствовал многое из разных религий⁵⁰.

⁵⁰ В частности, участие персов (ад-Динавери, ат-Табари, Ибн Мискавайха, Хамзы аль-Исфгани и других), как и прочих неарабов, использовавших ранее сложившиеся знания и приемы их передачи, в значительной мере ускорило формирование арабской историографии, сыгравшей большую роль и в культурном развитии вошедших в состав халифата преимущественно неарабских областей (Ланда 2005: 55–57).

В результате арабская культура отличалась в разных провинциях и халифатах (в Египте, Андалузии, Иране).

Сходство и различия. Философско-исторические концепции стран Арабского Востока и Европы были в чем-то похожи, так как: а) строились на основе господствующего религиозного мировоззрения; б) много заимствовали из античной философии. Однако, естественно, значительно отличались друг от друга как по содержанию, так и по исходным посылкам.

При этом:

1) в отличие от христианства ислам не имел строгой церковной организации, но именно наличие религиозных общин и горизонтальных связей между ними и создавало возможность для единства арабского мира, а в некоторых случаях такая связь была основной силой, создающей единство общества;

2) религия рассматривалась исламскими, особенно арабскими, мыслителями как реально существующая и необходимая связь мусульманских общин, социальная и духовная основа права, государства, политики;

3) значительная автономия (но не их оппозиция, как в Европе) религии и государства, с одной стороны, и одновременно очень тесная связь политики и религиозной идеологии – с другой (формально халифаты были теократическими государствами), что создавало особенности проблематики арабских мыслителей. Их, в частности, менее, чем европейцев, волновала проблема происхождения государства, его форм и т. п.⁵¹

Влияние Аристотеля и других античных авторов на арабскую мысль было очень велико. Важно иметь в виду, что именно от арабов европейцы впервые познакомились с некоторыми античными идеями и произведениями. Этот странный зигзаг культурного влияния демонстрирует сложную взаимосвязь цивилизаций и историй. Один из тех, кто способствовал популяризации античных идей на

⁵¹ Поэтому в теоретических построениях исламских мыслителей не было места для обсуждения проблем происхождения, устройства, форм государства, соотношения государства и права, церкви и государства, права светского и права канонического, ряда других проблем, волновавших умы западноевропейских теоретиков. Место этих проблем заняли вопросы о нравственно-религиозных качествах носителей власти, об их связях с мусульманской общиной или с преемниками Пророка. Все это обусловило и особенности творчества арабских философов, весьма далеких от религиозного скептицизма и вольнодумства (см.: История... 2002: 98–108).

арабском Востоке, был «первый философ арабов» – среднеазиатский тюрк ал-Фараби (870–950). Широкую известность Фараби принесли его комментарии трудов Аристотеля, в связи с чем еще при жизни ему было присвоено почетное имя «Аристотель Востока», «Второй учитель». В трудах Фараби (не без сильного влияния Платона и Аристотеля и их подходов) предпринимается попытка изложить проект идеального общества (города-государства). Взяв за исходное начало моральные категории добра, зла, отношения к труду, он делит города-государства на добродетельные, коллективные⁵² и невежественные. В добродетельных городах-государствах общественная жизнь построена на принципах высокой нравственности людей, которые, помогая друг другу, достигают истинного счастья. Такой город возглавляет философ-правитель. За основу политического устройства философ берет модель мусульманской общины.

Историческая мысль. Большую роль в представлениях арабов об истории сыграла идея Корана о пророческих миссиях в прошлом. В то же время они разрабатывали хронологию всемирной истории с учетом астрономических знаний того времени, исторического эпоса «Книги царей» сасанидского Ирана, апокрифических иудейских и христианских преданий. Первым значительным историческим сочинением стала история древних пророков и жизнеописание Мухаммада, написанная Ибн Исхаком (704–767). Это произведение послужило образцом для всех последующих, посвященных той же теме. В VIII–IX вв. появились описания отдельных завоеваний и событий из жизни халифата. В IX–XI вв. арабская историография переживает расцвет: появляются обобщающие труды по всеобщей истории, претендующие на освещение всего исторического процесса, в том числе за пределами мира ислама. Среди них стоит упомянуть «Историю пророков и царей» багдадского историка IX–X вв. Табари. В начале XI в. появляется «Книга опытов народов» Абу Али ибн Мискавайха, явившаяся наиболее значительным в арабской средневековой историографии трудом по всеобщей истории. С середины X в. и позднее наряду с общими сочинениями, начинавшимися с сотворения мира, возникают также жанры

⁵² Коллективный город, занимающий промежуточное положение между добродетельным и невежественным городами, Фараби описывает близко к критическому изображению демократии у Платона.

династийных хроник, биографий отдельных правителей, их визиров и секретарей, труды по истории отдельных стран и городов.

Именно мусульманские историки оставили нам очень ценные сведения об Индии, в которой не сложилось собственной историографической традиции. В мусульманском мире сведений об индийской действительности было, естественно, больше. Еще в XI в. Бируни написал обширное сочинение об Индии. Оно было основано на знании санскритских текстов и отличалось удивительной беспристрастностью суждений о верованиях и обычаях чужого народа⁵³.

Наиболее выдающимся представителем арабской общественной мысли был Ибн Халдун (1332–1406), историк, философ и первый арабский социолог⁵⁴. В большом «Введении» (по-арабски «Мукаддима») к обширному историческому труду «Книга примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле» развивал философско-исторические идеи, стоявшие во многом на уровне взглядов передовых представителей гуманистической историографии в Италии, а во многом и превосходивших их. «Мукаддиму» нужно рассматривать как особое произведение, являющееся едва ли не первым опытом социологической теории в мире.

Полагая, что он проник в изучение частных явлений через «врата общих причин», Ибн Халдун придавал особое значение влиянию географической среды на историю общества. Различия в жизни, быте, психическом складе, характере и обычаях тех или иных племен и народов он объяснял различиями в природных, главным образом климатических, условиях их существования; основу социальных явлений он видел в материальной жизни людей, в их хозяйственной деятельности. Ему принадлежит мысль о циклическом развитии государственности у кочевников, обусловленном, по его мнению, тем, что каждая из кочевнических правящих династий обычно через три поколения приходит в упадок из-за изнеженности и расточительства правителей. Отсюда Ибн Халдун дела-

⁵³ К сожалению, этот труд не имел влияния на развитие европейской науки, да и в самой арабской литературе великий хорезмиец не нашел достойного продолжателя (см.: Историография... 2002: 78).

⁵⁴ Ибн Халдун, родившийся в семье эмигрантов из Ал-Андалуса в Тунисе и усвоивший все традиции андалусийской культуры вместе с опытом политической жизни магрибинских государей, у которых он служил, может считаться одновременно человеком западноарабской и общеарабской культуры (Ланда 2005: 93).

ет вывод о неизбежности гибели любого государства, средний возраст которого он определяет в 120 лет, соответственно смене трех поколений правящей династии. Первому поколению свойственны простота нравов и относительное равенство, оно объединено сильными узами (особого рода духовной связью – *асабийейей*); второе поколение уже изнежено роскошью, живет в условиях неравенства и взаимной враждебности, трусливо, неспособно к самозащите, нуждается

в наемной армии и охране; при третьем поколении происходит окончательная деградация государства, особенно из-за роста налогов и упадка торговли. В конце концов государство или распадается, или становится объектом захвата внешними врагами. Обычно конец одного и начало другого цикла наступают в результате захвата кочевниками цивилизованных областей⁵⁵. К власти вновь приходит суровый правитель и его еще не изнеженное сплоченное *асабийейей* племя. Но затем *асабийейей* слабеет, кочевники привыкают к роскоши, и цикл повторяется.

Ибн Халдун высказал целый ряд догадок о труде как основе общественного богатства, о производстве избыточного продукта как основе общественного прогресса, о возникновении государственной власти из потребностей материальной жизни людей и т. д.

В XV–XVIII вв. ведущее место в арабском мире заняли египетские историки⁵⁶. Последним из них и одновременно первым среди новых историков можно считать Ал-Джабарти (1754 – ок. 1826), автора произведения, описывающего последний период мамлюкского правления в Османском Египте, вторжение в Египет Наполеона I и приход к власти Мухаммада Али.

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

⁵⁵ В течение жизни трех поколений государство проходит пять этапов: 1) возникновение новой власти взамен прежней; 2) расправа правителя с теми, кто помог ему прийти к власти, сосредоточение власти в одних руках; 3) расцвет государства; утверждение порядка, спокойствия и уверенности; 4) переход к насилию и деспотическим методам для подавления оппозиции; 5) упадок и гибель государства.

⁵⁶ Среди которых выделялись Таки-ад-дин ал-Макризи (1364–1442), автор многих трудов по истории и географии Египта и сопредельных стран, и его ученик Абу-л-Махасин ибн Тагриберди (1409–1470), из сохранившихся работ которого чрезвычайно интересны хроники с изложением событий в Египте от арабского завоевания – с 642 по 1469 г.

Особенностями китайской философско-исторической мысли в Средние века были:

1. Устойчивое поддержание традиции. В этом отношении китайские историки не имели равных в мире, а по длительности традиции китайская историография уступала только антично-византийской. С одной стороны, это позволяло наращивать объем знаний и создавать невиданные по объемам произведения. Мало того, существовало явление, мало распространенное в историографии до XVIII в. (и ставшее распространенным только в XIX–XX вв.), – над сводными историческими произведениями по заказу правительства трудились нередко коллективы ученых. С другой стороны, приверженность традиции консервировала философские и исторические жанры, вела к эпигонству.

2. Значимость философских и исторических знаний поддерживалась государством разными способами, включая финансирование, систему экзаменов, создание библиотек и архивов, периодами существовала монополия на создание исторических трудов. Назначались особые чиновники-историки, существовали историографические канцелярии, собирающие сведения о текущих событиях⁵⁷.

3. Длительность традиции и накопление материала, с одной стороны, и потребность в создании новых трудов – с другой⁵⁸, привели к большому разнообразию жанров, расширению предмета философии и истории, развитию критических методов и источниковедению, фактически к сложению таких вспомогательных дисциплин, как эпиграфика⁵⁹, археография, наконец, к возникновению историографии в узком смысле слова, то есть истории исторической науки. Крупный сановник, историк, член нескольких комис-

⁵⁷ Государственные интересы, в частности необходимость учета и хранения императорских сокровищ, привели и к появлению нового «музейного» направления в китайской исторической науке: создавались труды, подробно описывающие и систематизирующие тысячи предметов из бронзы и т. п. в императорских хранилищах. См.: *Историография...* 2002: 193–195.

⁵⁸ Вся система экзаменов и духовной жизни толкала к этому.

⁵⁹ В рамках этой китайской разновидности палеографии, или эпиграфики, изучались надписи на бронзовых сосудах и каменных стелах, а затем и сами эти предметы – их внешний вид, орнамент, вес, вместимость и т. п. Волна коллекционирования особого размаха достигла при Минах (XIV–XVII вв.), а вместе с ней и торговля реликвиями прошлого. Необходимость правильной оценки предметов, умение отличить оригиналы от подделки (а последние делались мастерски и в большом количестве) породили спрос на соответствующие знания и литературу (Там же: 191).

сий по составлению официальных исторических произведений Лю Чжи-цзи (661–721) стал основоположником этого направления. В 710 г. он составил труд «Проникновение в историю», где детально рассмотрел и критически проанализировал предшествующие исторические труды. Его подход к научному исследованию и указанная книга служили образцом для последующих поколений ученых.

4. Наиболее плодотворным был первый период Средних веков (с III по X в.), особенно время династии Тан (618–907), когда благодаря труду большой плеяды историков обозначился период зрелости историографии. Одним из примеров плодотворности указанного периода было составление тринадцати из двадцати четырех династийных историй. Собственно говоря, почти все основные жанры исторических произведений, их конструкция, теоретические установки, принципы отношения к изучаемому материалу, многие конкретные приемы появились именно в указанную эпоху, став прочным базисом дальнейшего развития китайской историографии⁶⁰.

5. В то же время многие черты средневековой китайской историографии были заложены еще при династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), то есть в период истории древнего мира. Для того чтобы понять особенность всей последующей китайской мысли, надо иметь в виду ситуацию вокруг конфуцианства и конфуцианских текстов. Конфуцианская идеология со II в. до н. э. утвердилась в качестве официальной (государственной) и оставалась таковой для всей последующей истории императорского Китая. Но она постоянно развивалась и существенно обогащалась идеями других школ. А до своей победы конфуцианство испытало гонения. В 213 г. до н. э. по приказу императора Цинь Ши-хуанди было сожжено большинство исторических трудов конфуцианцев по причине их

⁶⁰ Одним из ярких примеров является появление своего рода «исторической энциклопедии», которую создал крупный историк рассматриваемого времени Ду Ю (735–812). Его большой труд «Гун дьянь» («Всеобщий свод знаний») положил начало новому жанру, который буквально означает «политическая литература». Другим грандиозным по замыслу и объему трудом является произведение государственного деятеля и историка Сыма Гуана (1019–1085). Этот труд получил название «Цзычжи тунцзянь» – «Всеобщее зеркало, помогающее правлению». Огромная, в 294 книги, работа посвящена истории Китая с начала V в. до н. э. и до образования Сунской империи (960–1279), то есть до второй половины X в. Уже само название говорит о том, что автор хотел не только поведать о фактах прошлого, но и научить своих современников извлекать уроки из этих событий. Работа Сыма Гуана является одним из важных источников для изучения истории Китая (см.: Историография... 2002: 171).

враждебности политике императора. Когда же в Китае воцарилась династия Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), вновь поднявшая на щит конфуцианство, потребовалось, чтобы ученые приступили к огромной, кропотливой работе по восстановлению утраченных текстов. А это привело также к появлению новых произведений.

Философия, идеология и публицистика. Большую роль в признании конфуцианства сыграли труды известного конфуцианского мыслителя Дун Чжун-шу (ок. 179–104 гг. до н. э.). Используя наработки своих предшественников, например Кун-цзы, Мэн-цзы и Хань Фэя, Дун Чжун-шу выдвинул концепцию общественного устройства, в согласии с которой оно должно руководствоваться «тремя устоями»: власть монарха над народом, отца над детьми и мужа над женой; «пятью постоянствами» (незыблемыми правилами): человеколюбием, справедливостью, этикетом, мудростью и доверием; а также жить, «почитая Небо и следуя древности». Таким образом, в подход Конфуция к прошлому был привнесён новый элемент – Небо, что сакрализовало данное построение и подняло его на более высокий уровень.

Идея Неба и его влияния на политику была очень важной. Напомним, что в Китае имела идеологема, которая просуществовала все Средние века и Новое время (см. лекцию 1). Согласно ей **исторический процесс рассматривается как повторение династических циклов**, каждый из которых продолжался, пока данная династия следовала «воле Неба», и заканчивался ее гибелью, когда она нарушала «волю Неба» и потому утрачивала «небесный мандат» на управление страной. В этом плане очень интересны вышеупомянутые династийные истории. Они создавались по приказу монарха и получали его утверждение. Первая из них, «Хань шу» («История династии Хань»), принадлежит еще знаменитому древнекитайскому историку Бань Гу (32–92), последняя, «Мин ши» («История династии Мин»), была составлена в XVIII в. при маньчжурской династии Цин (1644–1911). «Истории» построены, в принципе, по одному плану, подражающему «Ши цзи». Во всех них присутствуют два главных раздела – «Основные записи» и «Биографии». Но очень важно, что династийные истории составлялись после падения династии, когда появлялась возможность критически оценить результаты ее деятельности и применить концепцию «мандата неба».

В период династии Тан в VIII–IX вв. своего расцвета достигает и публицистика. Ярчайшим ее представителем был Хань Юй (768–823). Его перу принадлежат многочисленные статьи, послания, предисловия к различным сочинениям и т. д. При своем рассмотрении взаимоотношений между природой и человеком Хань Юй помещал человека в общий ряд всего существующего в мире, принципиально не отделяя его от природы. Главный его философский трактат – «О человеке». Именно в человеке он видел не только личность, но и основу всей общественной жизни. Философ призывал обратиться к древности, к древней литературе и этим призывом положил начало важнейшему течению общественной мысли и литературы Китая VIII–XII вв. В X–XII вв. отличительной чертой части общественной мысли был большой интерес к личности человека.

Таблица 2

ФИЛОСОФЫ И ИСТОРИКИ ВИЗАНТИИ, РУСИ, АРАБСКИХ СТРАН, КИТАЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Автор	Даты	Страна	Название произведения
Прокопий Кесарийский	между 490 и 507 – после 562	Византия	«Гайная история»
Лю Чжи-цзи	661–721	Китай	«Проникновение в историю»
Хань Юй	768–823	Китай	«О человеке»
Михаил Пселл	1018 – ок. 1078 или ок. 1096	Византия	«Хронография»
Абу Али ибн Мискавайх	ум. 1030	Арабский халифат	«Книга опытов народов»
Нестор	XI–XII вв. (гг. рожд. и смерти не уст.)	Древняя Русь	«Повесть временных лет»
Ибн Халдун	1332–1406	Египет	«Мукаддима» («Введение» к большому историческому труду «Книга примеров по истории арабов...»)

Андрей Михайлович Курбский	1528–1583	Российское государство	«История о великом князе Московском»
Иннокентий Гизель	ок. 1600–1683	Польско-Литовское государство / Российское государство (Киев)	«Синописис» (краткое собрание от разных летописцев)

Рекомендуемая литература

Диль, Ш. 1947. *Основные проблемы Византийской истории*. М.: Гос. изд-во.

Игнатенко, А. А. 1980. *Ибн-Хальдун*. М.: Мысль.

Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002.

История политических и правовых учений / под ред. О. Э. Лейста. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Гл. 3, 4.

Ланда, Р. Г. 2005. *История Арабских стран*. М.: Вост. ун-т.

Шапиро, А. Л. 1993. *Историография с древнейших времен до 1917 г.* Лекция 3–5, 7–8. М.: Культура.